

следуются и анализируются основные принципы успешного согласования трех сторон треугольника: баланс власть, сдержанность и безопасность. Главный вывод представленного исследования — важность поддержания баланса в стратегическом треугольнике «Китай–Индия–США», поскольку указанные страны занимают важные позиции в основных сферах международных отношений: экономика и безопасность, мировой порядок в мире. От них зависит Азиатско-Тихоокеанский регион. Методологической основой работы является общегуманитарный метод исследования — системный анализ, который позволил проанализировать принципы построения и функционирования треугольника как системы в целом, а также изучить особенности всех компонентов этой системы. их взаимозависимость и внутренние модели развития. Материалы статьи могут быть использованы в будущем международными экспертами, востоковедами и экономистами, изучающими Индо-Тихоокеанский и Азиатско-Тихоокеанский регионы, а также при чтении курса лекций и написании учебников.

Ключевые слова: стратегический треугольник, международные отношения, баланс сил, Китайская Народная Республика, региональная безопасность, Индия, Соединенные Штаты Америки.

УДК 94(47)+94(517)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-20-27

**КИТАЙСКИЙ ФАКТОР
В МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 г.
(на материалах отчета уполномоченного НКВД РСФСР
в Монголии О. И. Макстенека)**

© Курас Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,

главный научный сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

kuraslv@yandex.ru

© Цыбенков Базар Догсонович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

bazar75@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию китайской приграничной администрации г. Маймачен и китайских наместников в Урге с уполномоченным НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенеком в декабре 1920 — марте 1921 гг. В частности, проанализированы мотивы деятельности переводчика-секретаря Маймаченского сановника Нью Винбина, официальные заявления китайских наместников в Урге Чэнь И и Ли Юаня. Особое внимание уделено согласию китайских властей на ввод советских войск во Внешнюю Монголию в марте 1921 г.

Ключевые слова: О. И. Макстенека, дипломатическая деятельность, Маймачен, китайские власти, переговоры.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) (МинОКН) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004

Для цитирования

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Китайский фактор в Монгольской революции 1921 г. (на материалах отчета уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека) // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 20–27.

Под китайским фактором в Монгольской революции 1921 г. исследователи обычно понимают предысторию революционных событий в Монголии, связанную с захватом страны войсками китайских милитаристов во главе с Сюй Шучжэном в 1919 г. и их последующим изгнанием Азиатской дивизией барона Ф. Р. Унгерна. В нашей работе рассматривается иной аспект проблемы, освещающий деятельность китайских официальных властей в декабре 1920 — марте 1921 гг. в монгольско-российском приграничье на участке Маймачен — Троицкосавск. Находясь в сложной обстановке, они были вынуждены вступить в отношения с уполномоченным Наркоминдела РСФСР в Монголии О. И. Макстенеком. Его ключевая роль в налаживании контактов в конце 1920 — начале 1921 гг. с китайскими властями Маймачена долгое время оставалась малоизученной. Начиная с 2019 г. личность О. И. Макстенека, как одного из организаторов Монгольской революции 1921 г., находится под пристальным вниманием научно-исследовательского коллектива, работающего в рамках проекта РФФИ-МинОКН (Монголия) «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)». Исследователями опубликован ряд статей, в которых дана оценка деятельности О. И. Макстенека как дипломата и агента Коминтерна, оказавшего всестороннюю помощь монгольским революционерам [6; 8, 9, 10; 11; 18; 21]. Настоящая работа основана на архивном источнике, находящемся на хранении в архиве Министерства иностранных дел Монголии, под названием «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.». В одном из разделов этого отчета, носящего название «Дипломатическая работа», описаны взаимоотношения О. И. Макстенека с китайскими официальными властями. Следует заметить, что двусторонние отношения с самого начала складывались не в пользу советского дипломата. Китайские власти отказались пропустить его к месту его назначения — г. Урга как представителя не признанного Пекином государства [6, с. 175], в результате чего Отто Иванович остался в приграничном городке Троицкосавске и открыл здесь консульский отдел Советской России [7, с. 870]. По свидетельству О. И. Макстенека, сначала перспективы на изменение отношения китайских властей никак не проглядывались. Однако в течение восьми месяцев произошли разительные перемены, увенчавшиеся многократными обращениями китайских властей в лице

наместника Чэнь И и других чиновников, которые можно трактовать как признание Советской России китайскими властями де-факто [18, с. 312]. Непосредственное деловое взаимодействие уполномоченного Наркоминдела с китайскими властями в Монголии началось в сентябре 1920 г. В этот период он направил китайским властям четыре протеста против насилия, грабежей и убийств китайскими солдатами служащих Центросоюза. Следует подчеркнуть, что бесчинства китайских солдат начались еще в феврале 1920 г. с расстрела мирной демонстрации жителей Троицкосавска [5, с. 24], а в последующем в противоправные действия в отношении служащих российских организаций. О. И. Макстенок также направил протесты против покровительства китайских властей, оказываемого белогвардейским отрядам и контрреволюционерам в Монголии. Как отмечает японский исследователь М. Тачибана, вакуум власти, возникший в Монголии после вызова в Пекин китайского генерала Сюй Шучжэна, заполнил барон Унгерн [15, с. 132]. В этой ситуации китайские пограничные чиновники не только не отреагировали на протесты Макстенка, но и первоначально пытались осуществлять взаимодействие с белогвардейцами. Однако уже тогда начались первые столкновения китайцев с отрядами Унгерна, и они стали осознавать шаткость своего положения в Монголии. По сведениям У. Брумфилда, войска Унгерна, занявшие большую часть Монголии, создали угрозу захвата приграничных территорий в районе Троицкосавска — Кяхты [3, с. 24]. Ситуация в приграничье, как и в целом во Внешней Монголии, стремительно ухудшалась. И китайские власти стали разрабатывать план наступления на войска барона Унгерна [20, с. 120].

Китайские приграничные власти вышли на контакт с Макстеном 3 декабря 1920 г. К нему прибыл чиновник Нью Винбин и заявил об устном протесте вышестоящего маймаченского чиновника Лу Пантао в связи с вводом войск Советской России в Джидинский район. Через 10 дней, 13 декабря 1920 г., последовал письменный протест маймаченских властей [18, с. 312]. Таким образом китайская региональная администрация предпринимала меры для обеспечения безопасности Маймачена от усилившихся с появлением Азиатской дивизии Унгерна белогвардейских отрядов в Монголии. Можно предположить, что китайцы рассчитывали на уход Унгерна из Монголии после первой неудачной попытки захвата Урги в ноябре 1920 г. Один из наиболее вероятных путей белогвардейцев в Россию лежал через Джидинский район. В то время этот район входил в состав РСФСР, а граница ДВР с Советской Россией проходила по р. Селенге [2, с. 164]. Населенный казаками и имеющий удобное положение, этот район представлял собой важный плацдарм как для продвижения белогвардейских отрядов в северо-западном направлении, так и для наступления советских войск на территорию Монголии. Что касается Нью Винбина, то по сведениям сотрудника Дальневосточного секретариата ИККИ Цэдэн-Иш (Гочитского), он работал в должности переводчика-секретаря при Маймаченском сановнике, состоял в дружеских отношениях с бывшим пограничным комиссаром Хитрово, помог ему спрятаться в Монголии, на р. Иро, на заимке Швецова «Карнаковке» [14, с. 134]. Заметим, что некоторые китайские чиновники Маймачена состояли в дружеских отношениях с россиянами, помогали им в сложных ситуациях. Например, маймаченский дзар-

гучей, чиновник 4-го класса На Даньчжу в декабре 1911 г. помог при пожаре в Кяхте, отправив 100 китайцев-водовозов с бочками [13, с. 12–13].

Маймаченские чиновники, пытались действовать сообразно меняющейся обстановке в Монголии, и были вынуждены сами обращаться к уполномоченному Наркоминдела. 15 декабря 1920 г. от них поступило официальное сообщение о том, что «чех Вебс является самозванцем и не уполномочен Китайским Правительством как его представитель» [18, с. 312]. Известно лишь, что некий О. Вебс, по сведениям на начало апреля 1920 г., являлся сотрудником Сибмиссии по иностранным делам [4, с. 36].

С момента своего появления в Троицкосавске О. И. Макстенок ясно осознавал, что китайские власти опасались вступать в контакт с ним как с представителем Советской России, непризнанной как Антантой, так и Пекином. В то же время он объективно оценивал нелегальное положение Монгольской народной партии, представителем которой оказал большую помощь летом 1920 г. Так, при встрече с монгольскими революционерами О. И. Макстенок отметил, что прямые контакты с ними могут вызвать нежелательную реакцию со стороны Китая, США и Японии [8, с. 201]. Особо следует отметить позицию Китайской Республики в отношениях с СССР на протяжении всей первой половины XX в. Официальный Пекин неизменно подчеркивал, что Внешняя Монголия является провинцией Китая [1, с. 42–43].

Большие перемены во взаимоотношениях китайских властей Маймачена и Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии произошли в начале 1921 г., когда китайским чиновникам стало очевидно, что теперь путь на их родину в Китай будет пролегать только через Троицкосавск. Поэтому они стали выступать в роли просителей, обращаясь за помощью к О. И. Макстенку. Тем самым, они, сами того не желая, признавали легальность существования РСФСР. Поводом для обращения послужил захват Урги войсками Унгерна в феврале 1921 г. и бегство китайцев (солдат, чиновников и купцов) из Урги в Маймачен. Большинство китайцев, за исключением солдат, стали обращаться к уполномоченному Наркоминдела за транзитными визами. Как отмечал О. И. Макстенок, за сравнительно короткий период он завизировал несколько тысяч китайских паспортов. Кроме того, поступило около 40 обращений от китайских фирм и государственных учреждений к уполномоченному Наркоминдела как представителю Советской России с просьбой взять их под свое покровительство. В самом Маймачене (Южной Кяхте) по данным 1918 г. насчитывалось около 4 тыс. китайцев [19, с. 90], в феврале 1921 г. к ним прибавились беженцы из Урги. Для передвижения китайцев в Верхнеудинск существовала только одна водная дорога, по р. Селенге. Среди прочего, заслуга О. И. Макстенека заключается и в том, что с помощью пограничных войск ДВР, он перекрыл все возможные пути нелегального перехода границы ДВР.

Среди заявлений китайских властей уполномоченному Наркоминдела следует выделить два обращения китайского наместника в Урге, Улясутае, Кобдо и Урянхае с официальной просьбой снабдить их оружием, патронами и снарядами. А в одном из обращений содержалась просьба о выдаче китайцам шести пушек [18, с. 313]. Из текста отчета О. И. Макстенека следует, что эти заявления поступили позже многочисленных обращений китайцев по вопросам получения виз.

Очевидно, уполномоченный Наркоминдела не мог или не захотел выполнить просьбы китайских властей. В это время он активно занимался вопросами вооружения и военного обучения монгольских революционеров [10, с. 88].

15 февраля 1921 г. уполномоченному Наркоминдела поступило официальное заявление от наместника Чэнь И о выдаче ему визы для проезда в Пекин. Чэнь И был известен своей нейтральной политикой в китайско-монгольских взаимоотношениях [12, с. 133], поэтому китайские генералы Чжан Циньхуй, Го Сунлин и Ма, находившиеся в Монголии, не воспринимали его как наместника. Российский дипломат решил воспользоваться удобным случаем и предложил Чэнь И выяснить некоторые вопросы, связанные с грабежами населения как китайскими войсками и белогвардейскими отрядами. По результатам встречи Чэнь И и О. И. Макстенека китайские власти выразили желание «предоставить Советской России[возможность] ввести свои войска в 25-верстную зону для ликвидации разбойничьих банд» [18, с. 313]. Позже это согласие было получено и в письменной форме. 22 февраля 1920 г. Чэнь И передал свои полномочия новому наместнику Ли Юаню, который 3 марта того же года обратился с официальным заявлением к Советской России в лице уполномоченного Наркоминдела РСФСР в Монголии О. И. Макстенека. В заявлении Ли Юаня Советской России было предоставлено право ввода вооруженных сил на территорию Внешней Монголии для ликвидации войск Унгерна. Таким образом, ограничение 25-верстной приграничной зоной, имевший место в документе Чэнь И, больше не оговаривалось. В то же время в заявлении Ли Юаня был пункт, по которому «Россия, будучи дружественной к Китаю страной», должна была вывести свои войска по окончании военных действий. Тем не менее, эти заявления китайских властей были продиктованы сложившейся обстановкой, но в то же время, безусловно, свидетельствуют об особой роли уполномоченного Наркоминдела, в руках которого был единственный безопасный выход китайских чиновников из Маймачена. О. И. Макстенок согласовывал свои действия с руководителем Дальневосточного секретариата Коминтерна в Иркутске и уполномоченным НКВД на Дальнем Востоке Б. З. Шумяцким, находясь в постоянной связи с ним и своевременно информируя его о положении дел [16, с. 17]. В целом, вопрос о вводе советских войск на территорию Монголии рассматривался еще в октябре 1920 г. на заседании президиума Секции восточных народов Сиббюро РКП(б) и Монголо-тибетского отдела [12, с. 49–52]. В ответ на просьбу Пекина о помощи в борьбе против барона Унгерна, нарком НКВД РСФСР Г. В. Чичерин 10 и 27 ноября 1920 г. направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев [17, с. 204], на которые ответа не последовало.

В феврале-марте 1920 г. в Маймачене сложилась непростая ситуация, связанная с прибытием китайских гражданских беженцев и солдат. Поспешный зимний переход из Урги в Маймачен для китайских солдат выдался тяжелым: им пришлось испытать голод и холод. По сведениям Макстенека, они выражали желание расправиться с властелинами Монголии (имеются в виду китайские чиновники — *авт.*) как главными виновниками Ургинской катастрофы. Видя витающие в солдатской массе настроения, китайские чиновники стали опасаться собственной армии, усилилось их стремление к скорейшему отъезду в Китай. В этой ситуации уполномоченный Наркоминдела занял выжидающую позицию,

намеренно затягивая вопрос с получением китайцами виз. Основным вопросом, который подлежал выяснению, был вопрос предстоящей борьбе с белогвардейскими отрядами на территории Монголии. Если китайские власти не в состоянии правиться с ними, то кто займется их ликвидацией? Ответ, конечно же, был на поверхности, но для юридического оформления этой дилеммы необходимо было согласие китайских приграничных властей, которые в свою очередь, ожидали инструкций от правительства Китайской Республики.

Таким образом, материалы отчета первого Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека проливают свет на неофициальные и официальные взаимоотношения региональной администрации Китайской Республики с советскими официальными властями. Обстоятельства складывались не в пользу маймаченских чиновников и китайских наместников в Урге, но они, тем не менее, пытались урегулировать ситуацию. В этой ситуации проявились дипломатические качества О. И. Макстенека, сумевшего грамотно урегулировать вопросы, связанные с визированием перехода китайцев на территорию ДВР с последующим их выездом в Китай по маршруту «Верхнеудинск — Чита — Маньчжурия». К заслугам Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии следует отнести официальные заявления китайских наместников в Урге в феврале и марте 1921 г. о предоставлении Советской России права ввода вооруженных сил в 25-верстную приграничную зону, а затем и на всю Внешнюю Монголию.

Литература

1. Базаров Б. В. К проблеме суверенитета Монголии после революции 1921 года / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаева // Историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2008. С. 41–50.
2. Батуева И. Б. Борьба бурят-селенгинцев за создание административных автономий ДВР и РСФСР (1919–1922 гг.) / И. Б. Батуева // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 162–166.
3. Брумфилд У. Кяхта / У. Брумфилд // Родина. 2011. № 12. С. 20–24.
4. Дацышен В. Г. Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье. Новые документы по истории японской интервенции в Сибири / В. Г. Дацышен // Японские исследования. 2017. № 2. С. 29–45.
5. Красовская А. А. Очерки повседневной жизни Троицкосавска в 1917–1923 гг. / А. А. Красовская // Сперанские чтения. Общество, государство, личность: проблемы взаимодействия в современных условиях. Петрозаводск, 2020. С. 22–26.
6. Курас Л. В. Город Троицкосавск — «колыбель» монгольской революции 1921 года / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Современное историческое сибиреведение XVIII — начала XX в.: сборник научных трудов / под редакцией Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. Санкт-Петербург: Медианапир, 2020. С. 171–184.
7. Курас Л. В. Дальневосточная республика как «колыбель» Монгольской революции (к 100-летию ДВР и Монгольской революции 1921 г.) / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 866–875.
8. Курас Л. В. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194–208.
9. Курас Л. В. Кяхта на заре Монгольской революции 1921 года (о деятельности Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека) / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений. Новосибирск, 2021. С. 15–17.
10. Курас Л. В. Отто Иванович Макстенок: год из жизни советского дипломата / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. 2020. Т. 32. С. 83–90.

11. Курас Л. В. Троицкосавск как «конспиративная квартира» Монгольской революции 1921 г. / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений. Новосибирск, 2021. С. 216–218.
12. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1 (1919–1929) / научный редактор Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.
13. Петров А. И. Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) / А. И. Петров // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 1(143). С. 3–14.
14. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов / ответственные редакторы В. П. Козлов, С. Чулуун. Ч. I. Москва: Граница, 2019. 360 с.
15. Тачибана М. Правительство автономной Внешней Монголии в истории: оценки в прошлом и настоящем / М. Тачибана // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 25. С. 121–142.
16. Хишигт Н. Великая российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов / Н. Хишигт // Сибирь в годы Великой российской революции: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 14–23.
17. Хишигт Н. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) / Н. Хишигт, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 196–208.
18. Хишигт Н. Отто Иванович Макстенок: у истоков монгольской революции 1921 года / Н. Хишигт, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317.
19. Хэрээд Ж. У. Деятельность монгольского министра Кяхты (1911–1921 гг.) / Ж. У. Хэрээд // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева: материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 87–92.
20. Цветков В. Ж. Р. Ф. Унгерн и попытки организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии (1918–1921 годы) / В. Ж. Цветков // Новый исторический вестник. 2015. № 4(46). С. 102–128.
21. Цыбенков Б. Д. «Как-то странно звучит слово «дипломатия» в устах коммуниста...»: о дипломатической деятельности Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Россия — Монголия: 100 лет вместе: материалы международной научной конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 63–69.

THE CHINESE FACTOR
IN THE MONGOLIAN REVOLUTION OF 1921
(on the materials of the report of the authorized NKID of the RSFSR
in Mongolia O. I. Makstenek)

Leonid V. Kuras
Dr. Sci. (History), Prof.,
Chief Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
kuraslv@yandex.ru

Bazar D. Tsybenov
Cand. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
bazar75@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the interaction of the Chinese border administration of the city of Maymachen with the authorized People's Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek. The authors analyzed the motives of the activities of the translator-secretary of the Maimachan dignitary Niu Vinbin, the official statements of the Chinese governors in Urga Chen Yi and Li Yuan. The article concludes that during this period the Republic of China forced to enter into unofficial and official relations with Soviet Russia.

Keywords: O. I. Makstenek, diplomatic activity, Maymachen, Chinese authorities, negotiation.

УДК 94:24(510)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-27-37

О РАЗВИТИИ БУДДИЗМА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КИТАЯ В XIV в.

© **Базаров Андрей Александрович**

доктор философских наук, профессор,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

bazarow_andr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу развития тибетского буддизма на территории Северо-Западного Китая в XIV в. Материалом для исследования послужил трактат выдающегося монгольского ученого Чахар-геше [тиб. cha har dge bshes blo bzang tshul khirms, 1740–1810] «Источник всего благого и счастья: жизнеописание великого всеведущего Чже Цонкапы, изложенное легким для понимания образом» [тиб. rje thams cad mkhyen pa'i tsong kha pa chen po'i rnam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas]. Данная работа является примером буддийской исторической мысли XVIII–XIX вв. и обладает ярко выраженной спецификой изложения, определяемой как личностью автора, так и историко-культурными обстоятельствами. Исследуемый фрагмент данного сочинения, связанный с историей взаимоотношений реформатора тибетского буддизма с его учителем Дондуб Ринченем, является фундаментальным историческим свидетельством о важнейших религиозных и культурных процессах, имевших место на обширных территориях Северо-Западного Китая в период XIV в. Для сравнительно-исторического анализа привлечены методы конкретного изучения биографических данных в контексте исторических событий. Специфика развития Северо-Западного Китая в исследуемом произведении рассматривается в качестве сложного этно-социального и религиозного процесса, имевшего место в XVI в. Авторы пришли к выводу, что формирование новых социальных объединений тибетцев и монгол в имперских условиях династии Юань, во многом, определялось буддийским фактором в качестве фундамента происходящих изменений. В биографии Чже Цонкапы данная социально-историческая обстановка излагается на основе взаимоотношений учителя и ученика. Масштаб достижений ученого и реформатора тибето-монгольского буддизма Чже Цонкапы отражен в некоторых фрагментах первоначального периода его жизненного пути.

Ключевые слова: буддизм, Тибет, Северо-Западный Китай, XIV век, жизнеописание Чже Цонкапа, Дондуб Ринчен.